

фантастика

КНИЖКА В ДОРОГУ

детектив
приключения

START START

выпуск
10

ДВЕСТИ ВТОРАЯ НОЧЬ ШАХРАЗАДЫ

ВЛАДИСЛАВ
ДЕБЕРАДЕЕВ

ИРИ РАСКОПКАХ развалин средневековой мечети недалеко от Самарканда археологическая экспедиция нашла плотно закупоренный сосуд. Осторожно вскрыв его, ученые обнаружили небольшой рулон потемневшей от времени шелковой ленты шириной в ладонь. Ткань была покрыта непонятными знаками. Однако чередование их вызывало мысль о какой-то информации, заключенной в свитке.

Фотографии таинственного документа обработали на ЭВМ. Удалось определить шифр, которым было закодировано сообщение. Вскоре ученые установили происхождение и время создания рукописи: арабский Восток, XIII век нашей эры.

Шелк в отдельных местах сильно пострадал от времени. Вот почему сначала удалось расшифровать лишь часть текста. Из-за этого перевод и дальнейшая публикация оказались не только неполными, но и даже (как выяснилось впоследствии) в значительной мере неверными. Между тем специалисты различного профиля продолжали терпеливо, настойчиво работать над восстановлением поврежденных мест рукописи.

Наконец усилия ученых увенчались успехом — текст был прочитан полностью. Он представлял собой неизвестный фрагмент «Повести о царе Шахрамане, сыне его Камар-аз-Замане и царице Будур». Эту повесть прекрасная Шахзада со 170-й по 249-ю ночь рассказывает своему мужу — царю Шахрияру. Одновременно была раскрыта и многовековая тайна книги «1001 ночь».

Как известно, во всех найденных до сих пор рукописях и переводах знаменитых арабских сказок двести второй ночи нет. В публикациях к этому месту дается обычно примечание: «В оригинале за ночью 201-й непосредственно следует 203-я — характерная ошибка писца». Но никакой ошибки здесь нет. А пропуск 202-й ночи вызван тем, что...

Впрочем, эти причины ясно раскрыты в отрывке, верный перевод которого мы теперь в полном объеме впервые предлагаем вниманию читателей.

ОГДА же настала двести вторая ночь. Шахразад сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман не обратил внимания на предостережения жителей города и продолжал кричать: «Я мудрец, я звездочет — есть ли охотники?!».

И когда Камар-аз-Заман кричал, а люди его останавливали, визирь царя аль-Гайюра услышал его голос и шум толпы и сказал слуге: «Спустись, приведи к нам этого мудреца». И слуга поспешно опустился и, взяв Камар-аз-Замана из толпы людей, привел его к визирю.

И визирь посмотрел на Камар-аз-Замана и усадил его рядом собой и, обратившись к нему, сказал: «Ради Аллаха, о дитя мое, если ты мудрец, то не подвергай себя опасности и не приходи к двору, приняв условия царя аль-Гайюра, ибо он обязался всякому, кто войдет к его дочери Ситт Будур и не исцелит ее от недуга, отрубить голову». «Пусть так и будет! — отвечал Камар-аз-Заман. — Я согласен и знал об этом раньше, чем пришел сюда. У меня есть верное средство вылечить царевну Будур».

И тогда визирь спросил его: «Какое это средство и как оно попало к тебе?» — «Средство это волшебное, а как оно попало ко мне — это удивительная история.» — «А какова твоя история? Расскажешь ее нам с начала до конца!» — сказал визирь. — «Слушаю и повинуюсь», — ответил Камар-аз-Заман и произнес такие слова:

«Прошлой ночью я достал золотую дощечку для гадания и набор принадлежностей, чтобы узнать свое будущее и записать его. Я всякий звездочет, я обратил взор свой к небу, чтобы предсказание было верное, и тут я увидел, как одна из звезд покинула небеса и спустилась на землю. Я возрадовался великой радостью, ибо знавал, что Аллах дает мне добрый знак и что мне будет сопутствовать удача во всех моих делах.

И тогда я поднялся с земли и пошел через пустыню. Ночь уже подходила к концу, прекрасная луна стала совсем бледной. В это время я увидел впереди какое-то сооружение, тонкое, как аллигатор. Когда я подошел ближе, оказалась, что оно золотисто-сиреневых цветов и очень похоже на минарет. Рядом с ним стояли незнакомые люди — двое русских мужчин и женщина, прекрасная, как перламутр, были в блестящих одеждах, которые переливались всеми цветами радуги».

«Я сразу подумал, — продолжал свой рассказ Камар-аз-Заман, — что мужчины — чужеземцы из северных стран. Тем более, что один из них, высокий, заговорил со мной на каком-то непонятном языке.

*Алиф — первая буква арабского алфавита изображается в виде вертикальной черты.

«Не понимаю тебя», — сказал я, и тогда высокий спросил снова: «Кто ты такой?» — «Я сын царя Шахраман. Меня зовут Камар-аз-Заман, что значит Луна времени». — «Луна и время?! — воскликнул другой незнакомец. — Поистине, нам послало тебя само небо. И само время. Кто послал вас сюда?» — «А кто послал сюда вас? — спросил я. — Кто вы такие? Откуда прибыли в наши края?» — «Мы люди, — ответил высокий незнакомец. — А прилетели мы с неба».

И тут я заметил, что он продолжал говорить не по-нашему, но я понимал его очень хорошо, словно кто-то у меня в голове повторял его слова. И тогда я догадался, что это — джинны и что они хотят обмануть меня, называя себя людьми.

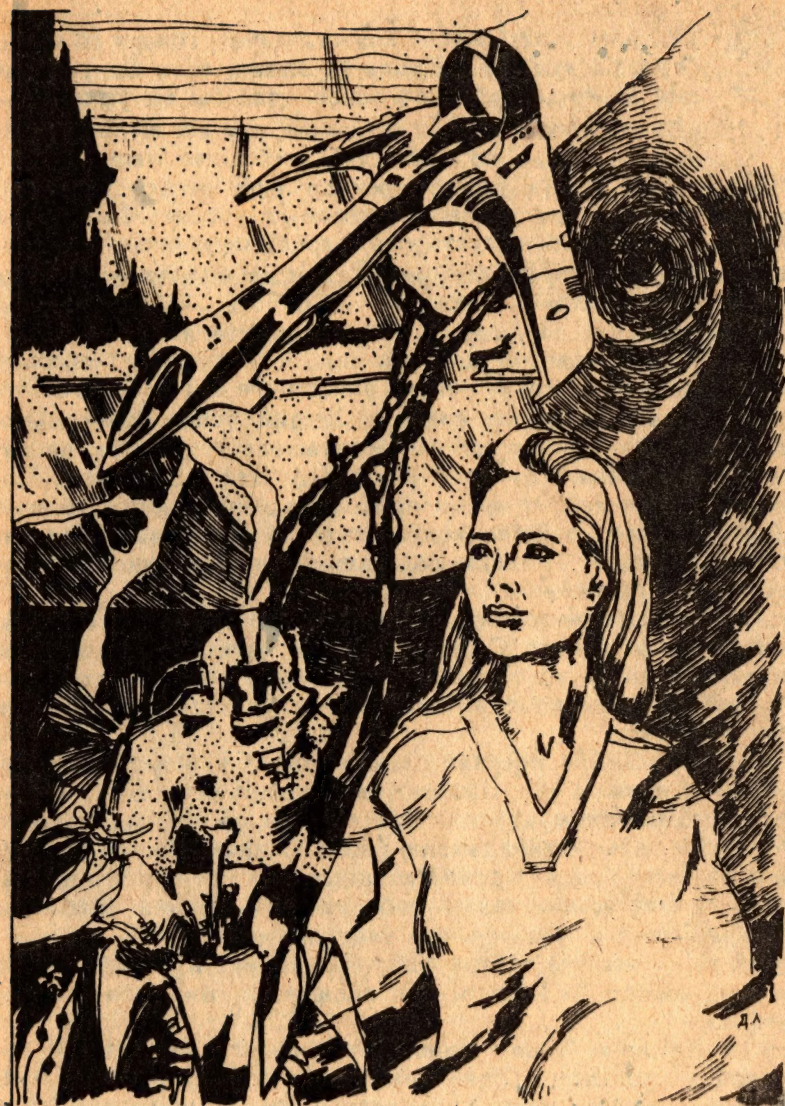
Только успел я так подумать, как низкий джинн сказал: «Нет, мы не собираемся тебя обманывать. Мы и правда люди». Из его дальнейших объяснений я понял, что они явились из далекой будущей жизни, ставшей родником душевной щедрости, благоухающим садом милости и творчества, радости и счастья, царством обильных благ, описывать которые устанет язык.

А высокий джинн добавил: «Мы живем совсем в другое время, чем ты. Между жизнью внуков твоих внуков и жизнью дедов наших дедов на Земле было еще десять поколений. Вот когда мы живем».

И тогда я стал спорить с ними и возразил такими словами: «Срок жизни и смерти человека в руках Аллаха. Никому из людей не дано превзойти этот срок. Кто же, кроме джиннов, может жить тысячи лет? Или летать по небу? Читать чужие мысли, как суры в Коране?» — «Тебе, конечно, невозможно это представить, — вступила в разговор джинния. — Еще труднее понять. Но мы постараемся объяснить тебе все как можно проще. Пойдем к нашему кораблю». — «А далеко до него идти?» — спросил я джиннов. — «Да вот он перед тобой», — ответили они и показали на минарет-сооружение.

«Какой же это корабль? — воскликнул я. — Где его мачты и паруса?» — «Есть у него и паруса, и даже есть в нем ветер, который их надувает. Только это скрыто внутри корабля и невидимо для человеческого глаза.» — «Нет, он не заколдованный и не волшебный. Но это действительно чудесный, могучий корабль. Это небесный корабль.» — «А где же его матросы?» — «Они перед тобой. Его матросы, то есть команда корабля, — это мы трое».

Высокий джинн и джинния повели меня к своему кораблю-минарету. Там стояли сидения — голубые, как родниковая вода в оазисе. Мы опустились на них. Сидеть было удобно и приятно: жары совсем не чувствовалось, вокруг нас веяло прохладой. А второй джинн в это время вошел в круглую дверь сооружения, и вскоре пески пустыни пропали из глаз. Мне хотелось убежать от стра-

ТУТ джинн начал свое повествование, говоря со мной: «Как ты думаешь, Камар-аз-Заман, если бы ты жил еще долго-долго, много веков, стал бы ты умнее?» — «Да, наверное. Я стал бы умнее, чем все мудрецы Дивана». — «Так вот представь себе, что люди Земли, человечество жило после твоего времени еще десять столетий. Люди много узнали, стали мудрыми, многому научились. Научились строить такие вот корабли и летать на них среди звезд очень быстро».

Я не смог утерпеть, перебил его речь и спросил: «Быстрее стрелы?» — «Быстрее». — «Быстрее ветра?» — «Быстрее», — отвечал он. — «Быстрее всего, что ты можешь только представить».

Высокий джинн поведал далее о том, что матросы небесных кораблей пролетали каждую минуту расстояние в тысячи месяцев пути и летели таким образом среди созвездий, точно блистающая молния, десять или больше лет. А вернувшись на Землю, не заставляли в живых никого из своих родных, друзей и знакомых. Поэтому что на Земле за это время проходили века и даже тысячелетия (таково было свойство колдовства). И это сильно печалило небесных путников. И тогда люди знания нашли выход из такого печального положения.

Давно уже было известно, что кроме царства нашего мира, где в своих домах живут Солнце, Луна и звезды, есть царство другого мира. Оно во всем похоже на наше, но там многое происходит наоборот. И время в этом другом царстве тоже идет в обратную сторону.

Тут Камар-аз-Заман прервал свою историю и, обратясь к визирю, который слушал его, проявил вежливость и сказал: «Прости меня, о средоточие мудрости и благочестия, за то, что я, может быть, не совсем точно пересказываю слова джинна. Но это потому, что смысл их часто был для меня туманным, как вот про это время. И все-таки я стараюсь передать тебе рассказ джинна возможно точнее и правдивее, а Аллах лучше знает истину.» — «Не смущайся, о такой-то! — ответил визирь Камар-аз-Заману и стал ободрять его словами, говоря: «Знай, всегда прощается тому, кто взывает о прощении».

И тогда Камар-аз-Заман снова начал прядь нить своего повествования и произнес: «Джинн рассказал, что мудрецы из мудрости Земли открыли секрет, как переходить из нашего мира в тот, другой, а потом из него опять возвращаться в свой мир. Люди научились переходить из царства в царство прямо на небесных кораблях. И это стало великим благом. Теперь команды их матросов, которые отправлялись в полет по небу, в конце своего путешествия, осуществив задуманное, переходили вместе с кораблем из нашего мира в тот, другой. Там они снова летели среди

звезд примерно столько же времени, сколько длилась первая половина их путешествия. По отношению к нашему времени это случилось назад. И когда истекал нужный срок, команды вместе с кораблями переходили из того царства обратно в наше и оказывались на Земле чуть позже того времени, когда отправлялись в путь.

Но сначала люди не знали о злом ифрите, который сторожил границу времен, текущих навстречу друг другу, как два слоя воды в горле Босфора. Этот ифрит парадокс (я хорошо запомнил его имя, ибо оно часто упоминалось в рассказе джинна) постоянно строил козни против матросов возвращающихся кораблей. Вот почему они попадали во времени и египетских фараонов, и повелителя правверных Харуна-ар-Рашида, и вообще до появления сынов Адама. А один корабль даже погиб при таком переходе. Это было над густыми лесами далекой северной стороны через семьсот лет после нашей с тобой, о великий визирь, жизни.

«В этом месте рассказа, — продолжал Камар-аз-Заман, — Джинния наклонила голову и тихо молвила: «Там был мой отец». И на глазах ее показались слезы. Они засверкали, как алмазы на парадном головном уборе ша-ин-шаха, и она стала прекраснее всех райских гурий».

Гибель корабля, по словам джинна, со временем обернулась новой бедой. А была она такого свойства. Если бросить камень в воду, он пойдет ко дну, а над местом его падения, точно маленький фонтан, возникнет всплеск воды. Получилось так, что погибший корабль оказался камнем судьбы, который своим падением пробил границу двух царств. А «фонтаном» стала часть нашего мира. Она медленно и незаметно проникла в то, иное царство, и теперь вот-вот должна попасть в дом второй Земли. А если они соприкоснутся, сестра нашей Земли из другого мира превратится в пар, как капля воды на листе жаровни. То человечество еще не умеет защищаться от опасности гостыи, как не может слабый ребенок бороться с барсом. Значит, спасти младших братьев, живущих в другом царстве, должны люди нашего мира.

Джинн поведал мне также, что шейхи мудрецов придумали хитрые устройства, чтобы удержать прорвавшуюся часть и вернуть ее обратно, и что эти машины установлены сейчас на Луне. Услышав такие слова, я тут же посмотрел на нее: Луна, султан ночи, была как всегда прекрасна, но ни на ней, ни под ней я ничего не увидел.

Заметив мои взгляды, джинн сказал: «Ты напрасно смотришь на Луну, Камар-аз-Заман. Хотя устройства очень большие, отсюда они невидимы». — «Они тоже заколдованные, волшебные?» — спросил я. — «Нет, они не заколдованные и не волшебные, но это тоже чудесные, могучие машины... Чтобы пустить их в ход, мы должны подать специальный сигнал. Для этого нам нужно срочно попасть на Луну. А что будет дальше, ты сейчас увидишь».

ОИ собеседник, — продолжал Камар-аз-Заман, — молча повернулся в сторону корабля, и после этого его товарищ вышел из круглой двери. Он принес плоский, в палец толщиной, ящик цвета молодого шафрана, поставил его перед нами на тоненькой ножке и что-то там нажал. Обращенная к нам сторона, размером с Большой фирман султана, тихонько замерцала. Я увидел крупные немигающие звезды. «Так выглядит небо с Луны», — сказал низкий джинн. Затем на фоне звезд возникло неровное зеленое пятно. Оно росло. Я заметил в нем два светящихся шара — один, оранжевый, побольше, другой — фиолетовый, поменьше. «Это Земля и Луна того мира», — снова произнес джинн.

Зеленое пятно все увеличивалось и увеличивалось. Вдруг его края ярко засветились. С каждой минутой блеск становился все сильнее. Рост пятна прекратился. Но оно беспрестанно дрожало и дергалось, будто хотело вырваться из своих границ. Оттуда мгновенно то тут, то там выплескивались какие-то огненные языки. Это было похоже на прыжки пойманного в сеть дикого гепарда, который бросается и туда и сюда, стараясь разорвать тенета и выскочить на волю. Сколько так продолжалось — сказать не могу, ибо я потерял счет времени. Мне показалось, что целую вечность. Наконец свет на краях пятна стал еще ослепительнее, и оно начало медленно сжиматься. Через него по всем направлениям змеились яркие молнии, в разных местах возникали беззвучные вспышки. Само пятно давно уже перестало быть зеленым, оно переливалось всевозможными красками. От великого страха я даже забыл слова молитвы и лишь громко взывал к Аллаху не покидать меня совсем... Когда мой улетевший ум вернулся ко мне, на стенке ящика виднелись только небывало крупные звезды.

Торжественным голосом, как на приеме у падишаха, высокий джинн произнес, говоря мне: «Камар-аз-Заман, ты видел сейчас спасение второй Земли, спасение человечества — наших младших братьев. Мы показали тебе запись того, как оно происходило. Правда, это только проба, все было уменьшено в миллион раз. Но так должно быть и в натуре. И так будет! Конечно, лишь в том случае, если ты pomoжешь нам и мы попадем на Луну».

И тогда в разговор вступил маленький джинн. Он рассказал, что в эту ночь у них случилось несчастье. Когда они уже спускались на Луну, в их корабль попал небесный камень. Он повредил какую-то очень важную часть. Из-за этого корабль изменил полет, чуть не врезался в скалы и лишь чудом избежал гибели. А потом матросы команды сумели сесть, да только не на Луну, а на Землю.

Поломку за ночь в основном исправили. И все же взлететь самим, без помощи со стороны, им теперь не удастся. Надо, чтобы кто-то дал приказ о вылете с удаленного от корабля места. Никто из матросов сделать этого не может, так как быть на Луне им нужно всем троем.

«Вот почему мы и просим тебя помочь, — сказал низкий джинн. — Это будет нетрудно. Ты должен лишь мысленно представить цифры от десяти до нуля и потом подумать: «Взлет!». С того момента и начнется спасательное дело. Оно называется «Время Луны». И человек, в имени которого слились эти два понятия, просто обязан быть спасителем родной сестры Земли, которой грозит опасность». — «Я помогу вам, если на то будет воля Аллаха, — отвечал я. — Но и вы должны помочь мне в моем деле». — «А какое это дело? — спросили джинны. — Куда ты идешь и зачем?»

И я поведал им о своей встрече с царевной Ситт Будур, о возникшей между нами сильной любви и страсти, о случившейся затем разлуке, из-за которой моей возлюбленной овладело безумие. «И теперь, — сказал я джиннам, мой путь лежит к Ситт Будур, чтобы постараться вылечить ее от недуга и соединить свою судьбу с ее. А если я не сумею исцелить царевну, ее отец, царь аль-Гайюр, отрубит мне голову».

Джинны очень заинтересовались моей историей. Особенно близко к сердцу принял печальный рассказ джинния, которая воскликнула: «Да это же живая повесть о Лейли и Меджнуне. Мы должны помочь влюбленным!» Она вошла в корабль-минарет и вынесла оттуда шкатулку белую, как борода столетнего муфтия. Джинния открыла крышку, что-то там покрутила и сказала мне: «Думай о своей возлюбленной Будур». И тогда я произнес такие созвучия:

Пришла пора слиянья душ. Цены блаженства мы не знали.
Пока над нашей головой внезапно не стряслась беда.
Вернись, убей меня — ведь умереть, любя,
Приятнее, чем жить на свете без тебя.

«Да он сам сумашедший!» — воскликнула джинния и сказала мне: «Ты должен не читать стихи, а своими собственными словами передать облик больной Будур. И мысли эти пусть будут сугубо земными. Мне нужны не поэтические образы, а точные знания о ее недуге». И тогда я стал думать, как она повелела. Джинния долго смотрела в шкатулку и потом сказала: «Да, Ситт Будур тяжело больна. Но мы поможем тебе излечить ее. Дай мне какую-нибудь вещь из металла». Я подал ей свой кинжал в красных сафьяновых ножнах, украшенных драгоценными камнями. Джинния вынула кинжал из ножен, положила его в шкатулку и произнесла такие слова. «Когда ты придешь к Ситт Будур, прикоснись кинжалом ко лбу девушки — и она излечится от своего безумия». С этими словами джинния вернула мне кинжал.

ЕМ временем джинны вынесли из корабля высокий, в рост человека, красный, как кровь дракона, сундук. Они подробно объяснили мне, как с ним обращаться. Все там было необычным, ни на что не похожим. Но я очень хорошо запомнил, что надо делать. Как будто знания в мою голову вкладывали сразу тысячами толкователей Корана. «И когда ты все это сделаешь и после цифр подумаешь «Взлет!», — молвил высокий джинн, — сразу отойди на пять шагов и закрой глаза».

И тогда второй джинн принес из корабля какой-то круглый сверток. Когда его развернули, это оказался ковер-самолет Сулеймана. Я его сразу узнал, хотя раньше никогда не видел. Джинны поставили на него сундук и приказали мне: «Садись на ковер да держись крепче. Сейчас ты полетишь быстрее ветра». Разве мог я спорить с повелением могущественных джиннов? Поэтому я сразу сел на ковер и крепко ухватился за петли, которые торчали из него. Он немного приподнялся над землей и медленно двинулся вперед. Позади осталось около десяти локтей — и в этот момент джинны с их кораблем-минаретом исчезли, пропали из виду, словно чудесная, невидимая стена встала между ними и мною.

И тогда ковер Сулеймана рванулся вперед, как чистокровный скакун. Мне стало страшно. Я закрыл глаза и начал взывать к Аллаху. Но не успел еще закончить оба исповедания*, как ковер остановился и тихо опустился на песок. Я поднялся на ноги и стал делать все так, как мне приказали джинны, отчетливо говоря: «Десять, девять, восемь, семь...» И тут я подумал: «О, если бы меня сейчас могла видеть периликая Ситт Будур!», а потом продолжал считать: «Пять, четыре, три...»

И тогда из красного сундука раздался голос, который казался мне громче рева сотни боевых слонов: «Камар-аз-Заман, ты отвлекаешься посторонними мыслями и сбиваешься в цифрах. Начиная обратный отсчет снова». Оглушенный этим ревущим голосом я опять принялся считать с десяти, но от страха и волнения снова ошибся. Клянусь Аллахом, так продолжалось несколько раз. Я был растерян, сердце мое трепетало, пот катился градом с моего лица. И тут из сундука опять донесся громopodobный голос: «Камар-аз-Заман, садись на ковер и возвращайся к нам!».

Что мне было делать? Я хотел убежать, но подумал: «Если джинны за тысячи локтей видят и знают все, что со мной происходит, — поистине, мне от них не спастись». Я снова сел на ковер

* То есть обе части мусульманского исповедания веры! «Свидетельствуют, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха».

Сулеймана, ухватился за петли, и он быстро домчал меня до небесного корабля.

Ждавшие меня джинны произнесли такие слова, говоря мне: «Мы понимаем, что эта неудача — не твоя вина. У тебя просто нет нужной дисциплины, настроя ума. Вот почему мы решили, что приказ на вылет даст один из нас». — «Эта роль выпала мне, — грустно улыбнулась джинния. — А мое место на корабле займешь ты, Камар-аз-Заман». — «Зачем?» — спросил я. — «Что мне там делать?» — «Тебе нужно будет нажать в одном месте — и все. Это совсем просто, — спокойно говорил высокий джинн. — А то нам вдвоем, без тебя, не управиться». — «А когда это будет?» — «Скоро. Когда мы поднимаемся в небо и прилетим к Луне».

«От неожиданности у меня отнялся язык, — продолжал Камар-аз-Заман свой рассказ. — Мысли теснились в голове, как нищие на праздничном базаре. Джинны что-то говорили мне, но я не слышал их слов, сильно печалюсь и думаю: «Они опять задумали дурное против меня. Виданное ли дело, чтобы правоверный живым попал на небеса?!» И тогда я обратился к востоку и громко возвал: «Спаси меня, Аллах!» И всемогущий тотчас вразумил меня: я вспомнил мудрое изречение «Проси драгоценнейшее — и самый щедрый задумается». Я возрадовался великой радостью, говоря джиннам: «Я полечу с вами куда хотите, если отдадите мне ковер-самолет».

Мои слова повергли их в сильное замешательство. Они то-ропливо заговорили между собой. По лицам джиннии и высокого было видно, что они изумлены и растеряны. Третий же, маленький, был тверд и решителен в своих словах, он быстро рассеял все сомнения тех двоих. И тогда высокий джинн молвил: «Мы не можем отдать тебе ковер-самолет, Камар-аз-Заман». — «Тогда и я не полечу с вами на небо». — «А мы отберем у тебя кинжал!» — запальчиво крикнул низкий джинн.

И тут случилось невероятное. Джинния, как тигрица, у которой хотят отнять детенышей, накинулась на низкого. Ее мелодичный голос вдруг зазвенел металлом. Она осыпала своего противника гневными словами. Тот рассердился и отвечал ей резко и грубо. Иногда в их спор вмешивался высокий, который тоже упрекал низкого. И когда они так шумели и спорили, рукава их блестящих одежд от быстрых движений сверкали, точно молнии во время грозы.

А потом джинния обратилась ко мне с такими словами: «Камар-аз-Заман, ты должен знать о нашем споре. Речь идет о тебе. У нас, у людей нашего времени, давно уже принято, что нельзя заставлять человека делать что-то против его воли, против его желания. Ты не хочешь помочь нам, пока не получишь ковер-самолет. Этого мы не имеем права сделать. Как не можем и принуждать твою личность, ставя унижительное для тебя и недостойное

для нас условие: цена твоей помощи нам — владение кинжалом, которым ты сумеешь вылечить Ситт Будур. Такое насилие над человеком противоречит правилам нашей жизни». — «А как же вы поступаете, — спросил я, — если нужно кого-то заставить сделать то-то и то-то?» — «Мы убеждаем человека. Приводим доводы, которые доказывают ошибочность его позиции, — вступил в наш разговор высокий джинн. — Человек убеждается в своей неправоте и сознательно, по собственному желанию поступает так, как нужно для общей пользы». — «А если он все-таки продолжает настаивать на своем?» — спросил я. — «Значит, просто потребуется больше времени, чтобы убедить его». — «У нас этого времени сейчас нет, — снова резко возразил маленький джинн. — Потребуется, может быть, не один день, чтобы этот царский сын согласился добровольно помочь нам. А операция «Время Луны» должна начаться через два часа. И тут церемониться нечего: не можем убедить этого молодчика — надо воспользоваться принуждением». — «Пустить в ход насилие? — в голосе джинни снова зазвенел металл. — Чем же мы тогда будем отличаться от деспотов, от тиранов?» — «Но ради спасения братского человечества, младшей земной цивилизации один раз можно отступить от правил!» — «А сколько раз в истории самое кровавое насилие прикрывалось словами о благе народа?» — сказал высокий. — «Принуждать человека против его воли — это позор! — страстно вмешалась джинния. — Не важно, применено ли насилие один или бесчисленное число раз, к одному человеку или к группе людей. И поступаться здесь нельзя!»

Забыв обо мне, они снова заспорили между собой. Я пытался следить за этим бурным разговором. Однако многие слова были мне непонятны, да к тому же джинны говорили очень быстро. Вскоре я окончательно потерял нить их спора и задумался о нашей жизни.

Сначала мне стало смешно, когда я представил, как падишах каждый раз спрашивал бы у своих придворных, желают ли они исполнить приказ своего повелителя. А потом мне стало страшно, когда я подумал: «А что если вдруг во всех гаремах жены захотят, чтобы их владыки считались с ними как с человеческими личностями?!», когда представил лицо Ситт Будур, подобное полной луне, ее коралловые уста, которые когда-нибудь молвят мне: «У меня тоже есть своя воля, Камар-аз-Заман, и ты должен с нею считаться!»...

И тогда я сказал джиннам: «Не бойтесь и не печальтесь! Я готов полететь с вами на небеса». Спор их замер, будто остановленный на скаку конь. Они смущенно смотрели на меня, а низкий джинн даже покраснел. «Ты, правда, сам хочешь помочь нам, Камар-аз-Заман?» — прерывающимся от волнения голосом спросила джинния. «Да! Я очень хочу, чтобы вы поскорее закончили здесь

ваши дела». — «Вот и прекрасно! — обрадовался высокий. — Не будем терять времени».

Джинния устроилась на ковре Сулеймана и, блеснув радужной одеждой, скрылась из глаз. А оба джинна повели меня в корабль. Там я увидел столько диковинного, что просто нет слов об этом рассказать. Хорошо помню, как высокий джинн показал мне что-то круглое, похожее на большой рыбий глаз (а было оно золотистого цвета), закрытое прозрачной пластинкой. Он сказал: «Поднимешь эту крышку и по моему знаку нажмешь здесь»». — «На голове и на глазах!» — ответил я. Джинны посадили меня в мягкое удобное кресло и привязали какими-то ремнями. Теперь мне было все безразлично, я крепко зажмурил глаза и распростился с жизнью.

Смутно помню, что мое тело много раз то внезапно тяжеле-ло, то становилось легче пушинки, словно меня качало на гигантских волнах во время свирепой морской бури. Это, оказывается, и был, как потом сказали джинны, полет с Земли к Луне. И все это время я в полголоса молился Аллаху — слава ему и величие! — о спасении от сатаны, битого камнями (ведь джинны сами говорили, что в них попал камень).

Вдруг высокий джинн напряженным голосом произнес: «Камар-аз-Заман, приготовьтесь!». Я крепче ухватился левой рукой за сиденье, на котором теперь почему-то полулежал, и на минуту приоткрыл глаза; правой рукой поднял прозрачную крышку и положил большой палец на «рыбий глаз», который выдавался из гладкого белого стола. «Камар-аз-Заман!» — закричал джинн великим криком. И я понял, что наступил мой черед, и изо всех сил надавил на «рыбий глаз» и снова зажмурился...

Потом опять были гигантские качели, от которых у меня внутри все переворачивалось. Я уже не знал, жив или умер, где нахожусь — на небе или на земле. А это был просто обратный полет, во время которого джинны сумели наконец полностью исправить поломку. Сделать это в небе почему-то оказалось легче, чем на земле. А потом стало тихо-тихо, спокойно и приятно, как в раю.

Я очнулся от голоса высокого джинна, который произнес такие слова: «Поздравляю тебя, Камар-аз-Заман, спаситель младшего человечества!». Он подошел ко мне, засмеялся и сказал: «Да не дави ты эту штуку. Ее нужно было только раз нажать и тут же отпустить. Вот уж, правда, говорят: заставь... чудака богу молиться...» Я посмотрел на свой палец: он весь побелел от усилия, с которым я жал золотистый «рыбий глаз».

* Эта формула отражает правило мусульманского этикета, означающее полное, безусловное повиновение

ТОГДА мы вышли из корабля. И когда я шел по земле, меня шатало и качало будто тростник от сильного ветра. И тут к нам прилетела джинния, и все трое начали благодарить меня за помощь. Они находили для этого такие слова, что даже наше придворное цветистое красноречие показалось мне бедным, как дервиш. На прощанье джинны ласково и нежно обняли меня, и каждый из них говорил свое. Высокий: «Поверь мне, Камар-аз-Заман, имя твое войдет в историю»; джинния: «Желаю счастья с прекрасной Будур»; а маленький джинн, смущенно дергая меня за рукав, сказал: «Ты уж прости меня, брат, за ту глупость. Когда мы вернемся к себе, меня за это будут судить все люди Земли. И правильно, я здорово виноват. Трудно быть богом, или, по-вашему, джином. Но меня волнует другое — твое прощение. Еще раз: прости меня за причиненное тебе зло!».

Джинны посадили меня на ковер-самолет, с которого уже сняли сундук, говоря мне: «Он доставит тебя туда, куда ты добрался бы за ночь, не задержись с нами для спасения второй Земли». Быстрее ветра помчал меня ковер Сулеймана над песками пустыни, а потом мягко опустился на землю. Я сошел с него и подумал: «Быть может, теперь джинны разрешат мне взять этот чудесный ковер. С его помощью я проникну к владычице красавиц Ситт Будур и похищу ее. А потом сумею победить всех своих врагов, всех царей. Отныне, ковер Сулеймана, ты будешь служить только мне, будешь выполнять все мои желания. С твоей помощью я стану сильнее всех, стану повелителем мира!»

И пока я так думал, предмет моих мечтаний как-то странно изогнулся, затем судорожно расправился и наконец начал извиваться, точно змея, невзначай проглатившая ежа. Мне даже показалось, что своим необычным танцем ковер-самолет как бы просит меня отпустить его обратно к джинам. Но мои мысли уже не могли с ним расстаться. И тогда ковер Сулеймана сжался в трепещущий ком. И вдруг там, внутри, что-то вспыхнуло ярче, чем ударившая рядом молния. Я упал на землю, и меня покрыло беспамятство. Не знаю, сколько так пролежал. А когда очнулся, то увидел, что нахожусь около города царя аль-Гайюра. Я ощущал ножны — кинжал был со мной. И тогда я вошел в город и стал кричать: «Я мудрец, я звездочет!». Вот какова моя история», — закончил повествование Камар-аз-Заман.

И визирь воскликнул: «Клянусь Аллахом, ничего более удивительного я не слышал. А теперь надо скорее испытать твое волшебное средство». Он позвал слугу, отдал ему Камар-аз-Замана и сказал: «Отведи его к Ситт Будур». И слуга взял Камар-аз-Замана за руку и пошел с ним по проходу двора.

И тут Камар-аз-Заман достал из ножен кинжал и отдал евнуху, говоря ему: «Возьми этот кинжал и коснись им лба твоей госпожи - царевны Будур». И тот вошел за занавеску и исполнил приказание. Как только случилось то, чему предназначено было случиться, Ситт Будур излечилась от своего безумия, узнала и своих служанок, и евнуха, и все обрадовались великой радостью. И Камар-аз-Заман воскликнул: «О, периликая Ситт Будур! Завтра я приду к твоему отцу и скажу ему, что могу исцелить тебя. И когда я снова окажусь у этой занавески, то подам тебе знак, что я здесь. И тогда ты выйдешь ко мне, и царь аль-Гайюр узнает так о твоём исцелении и соединит нас. Есть ли твое согласие на это?» Ситт Будур, слыша такие слова своего возлюбленного, ответила согласием страсти и промолвила:

Не страшно ли — я перед тобой, и вновь душа моя жива,
Ты говоришь, и я могу сказать какие-то слова.

И когда слуга увидел, что она в таком состоянии, он побежал бегом и, придя к визирю, поцеловал землю меж его рук и сказал: «Знай, о мой владыка, что этот мудрец — шейх всех мудрецов и учение из всех. Он вылечил дочку царя, стоя за занавеской и не входя к Ситт Будур». И визирь изумился, обнял Камар-аз-Замана, который вернулся к нему, и воскликнул: «По истине, эту историю надлежит записать в книгах, чтобы ее читали после нас поколения за поколениями».

И тогда Камар-аз-Заман, ум которого улетел от счастья и избытка радости, сказал: «Прости меня, о господин, я забыл предупредить тебя об одном волшебном заклятии джиннов. Они сказали, что все записи в книгах, на папирусах, на камнях, все рукописи, где говорится о пребывании на Земле людей из будущей жизни, — все эти записи на любом земном языке пропадут, исчезнут без следа. Их сотрут невидимые лучи тех же самых машин, что установлены на Луне. А еще от этих лучей народы навсегда забудут о том, что когда-то на Землю прилетали люди из будущей жизни. Так что не утруждай напрасно ни себя, ни своих слуг усилиями сохранить для потомков мою удивительную историю».

«Ну, что ж, — вздохнул визирь. — Послушаемся твоего совета и оставим писцов в покое. И ты теперь тоже отдохни некоторое время, поешь кушаний и выпей напитков, чтобы дух твой вернулся к тебе и возвратились твои силы после спасения от того, что тебя постигло. А завтра иди к дворцу царя аль-Гайюра и постарайся выполнить задуманное».

И Камар-аз-Заман послушался визиря. И когда наступило утро, он принялся кричать во весь голос около дворца: «Я звездочет, я счетчик, я мудрец... Где же охотники?»

Царь Шахрияр уже двести вторую ночь внимательно слу-

шавший рассказы Шахразады, задумался над словами о последнем заклятии джиннов. И потом в нетерпенье сказал: «Неужели действительно нельзя оставить для новых поколений запись о случившемся? Ну, нет! Если, будет на то воля Аллаха, мы попробуем перехитрить замысел джиннов». — «Я, кажется, догадалась о твоей хитрости, о великодушный царь, — воскликнула Шахразада. — Ты хочешь...»

И тут Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Перевел с арабского
В. ДЕБЕРДЕЕВ

«КНИЖКА В ДОРОГУ».

Свердловское творческое объединение «Старт» серией «Книжка в дорогу» знакомит читателей с произведениями молодых и начинающих авторов.

Издание осуществлено за счет средств автора и подготовлено Свердловским творческо-производственным объединением «Старт».

В выпуске участвовали: Е. Щербакова, Ю. Филаненко, Д. Лебедихин, Н. Чернякова.

ДЕБЕРДЕЕВ Владислав.

Двести вторая ночь Шахразады. М.: Прометей; С.: «Старт», 1990.

Подписано в печать 27.03.90. НС 23318. Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 0,93. Тираж 50 000 экз.
Цена 35 коп. Заказ 1755.

г. Свердловск, ТПО «Старт», ул. Ленина, д. 34, к. 607.

г. Каменск-Уральский. Типография Упрполиграфиздата, ул. Ленина, 3.

© Дебердеев Владислав Алексеевич, 1990.